

Москва, камиссариат - 1990 - 22 марта



в исполнении французских музыкантов. Вот о чем я хотел вас спросить: список ваших сочинений не слишком велик. Почему?

— У меня нет проблем — просто я долго обдумываю.

— Тогда другой вопрос. Что заставляет вас сейчас переделывать свои сочинения 45-летней давности?

— Я хочу использовать все возможности, заложенные в них, чтобы этот матери-

ее музыку во Фрайбурге, а я о своих оперных постановках в Англии и Германии.

— Я ведь не случайно на пресс-конференции спрашивал вас о вашем оперном замысле. Мне очень хотелось бы услышать именно вашу оперу.

Булез понимающе кивнул, но тему не поддержал. Я заметил, что он всегда уходит от разговора о собственных сочинениях.

— Вчера вы говорили, что не любите

Пьер БУЛЕЗ:

ВАЖНО БЫТЬ НЕЗАВИСИМЫМ

В САМОМ начале марта этого года мне посчастливилось побеседовать с одним из величайших композиторов нашего времени Пьером Булезом.

Конечно, без Эдисона Васильевича Денисова ничего не вышло бы. Это он добился приглашения Булеза с его ансамблем «Интерконтемпорен» в Москву и Ленинград, устроил две его пресс-конференции, подкинул идею ректору консерватории предложить Булезу поработать со студенческим оркестром, затем от имени нашей новорожденной Ассоциации современной музыки организовал в Союзе композиторов концерт из музыки Булеза: maestro продирижировал двумя сочинениями — и наши исполнители играли на пределе своих возможностей, а после концерта пригласил нас, членов Ассоциации, на банкет.

Когда Денисов представил нас с Леной Фирсовой, Булез спросил:

— Это у вас дома были наши молодые композиторы Строппа, Манури и Дальбави? Они много говорили об этом.

— Да, у нас было интересное общение. Все трое — талантливые ребята. Мне кажется, Дальбави из них более близок нам, более понятен... Манури очень серьезен, а Строппа чрезвычайно обаятельный человек. Это все ваши ученики?

— Нет, — отвечал он, — я не преподаю. Это трудно. Я преподавал когда-то давно, всего года два.

Булез держался очень просто. Он говорил, приятно улыбаясь и глядя прямо в глаза собеседника, что очень располагало к нему.

— В нашей стране невозможно достать ваши партитуры.

— Я вам пришлю. Какие вам нужны? Составьте список.

— Ваша музыка, — продолжал я, — звучит здесь, наверное, раз в пять лет. Последнее, что мы слышали, это «Ритуал» и «Две импровизации на Малларме»

ал не пропал.

Денисов заговорил о том, как хорошо, что Булез здесь, и что мы все надеемся на его скорый следующий визит. Тот ответил, что собирается скоро приехать сюда с оркестром Би-би-си. Предложили тост за Денисова, без которого ничего не состоялось бы, и Булез сказал, что в прошлое его посещение 23 года назад их было только двое — он и Денисов, а теперь вон сколько — и он кивнул в нашу сторону.

Я спросил, играет ли их ансамбль музыке его учителя Оливье Мессиана. Он назвал три сочинения Мессиана, которые подходят к их составу и которые они играют с удовольствием.

— Для нас современная французская музыка — это всего два имени... — сказал я, поднимая два пальца, и Булез понимающе засмеялся.

— Вот специалист по Мессиану, — указал я на Виктора Екимовского, — он автор монографии. Правда, по Булезу у нас нет специалистов.

— Пока, — добавил Виктор. И Булез снова рассмеялся.

— А ваш ансамбль 10 лет назад играл музыку Лены Фирсовой.

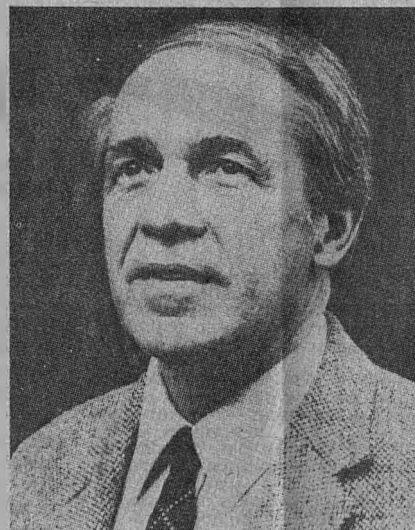
— На выставке Москва — Париж, — подсказала Лена, — там еще пела англичанка Джейн Мэннинг.

— Да, конечно, я помню. Это было очень хорошо, — ответил он. — В Англии очень сильные исполнители, особенно певцы, а также хоры — гораздо лучше, чем во Франции. Мы часто приглашаем их.

— А как вы относитесь к современной английской музыке?

— Мне нравится Бертуистл, а также молодой композитор Бенджамин.

Я сказал о наших проблемах с вокалистами и о тех великолепных зарубежных певцах, с которыми мы сотрудничали. Лена упомянула о Махе Дёбнер, певицей



ассоциаций, с подозрением к ним относиться. Вы не член Международного Общества современной музыки?

— Нет, — ответил Булез.

— Что это за Общество современной музыки без Булеза? Кто туда входит? Вы знаете этих людей?

— Не знаю. Когда-то один раз — первый и последний — я был в жюри этого общества и понял, что их заботит не качество музыки, а какие-то политические соображения. Они говорят, что надо вставить в программу такого-то композитора из такой-то страны потому-то, а вовсе не потому, что у него хорошая музыка... Мы же с нашим ансамблем совершенно независимы. У нас во Франции нет даже союза композиторов!

Немного помолчав, он добавил:

— Это очень важно — быть независимым.

Дмитрий СМЕРНОВ.